

ТЕМА РОДИНЫ В ЭТНОПОЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ЛЕЗГИН 1990-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКИ С. КЕРИМОВОЙ)

Прослеживается динамика поэтической мысли лезгин в социокультурном контексте 1990-х годов. Отмечается, что поэтическая рефлексия в 90-х годов XX столетия имела своей мотивационной основой общественный настрой, напряженность которого обозначила условия выстраивания явлений творческого духа. В результате идея Родины утверждается как тотальность, замыкающая пределы духа в себе самом. Достигший смысла полноты собственных содержательных форм этнопоэтическое сознание конструирует мир, эмоционально уплотненный, являющийся в ценностных императивах идеи Родины. Исходя из этого обозначены цель и задачи нашей статьи, обусловленные необходимостью выстраивания ценностно-смысловой иерархии этнопоэтического творчества. Поэтическая реальность лезгинского народа постсоветского периода представлена как демонстрация полноты этнопоэтической идентичности, обремененной тотальностью идеи Родины.

Ключевые слова:

1990-е годы, гражданская лирика, лезгинский народ, тема Родины, этнопоэтическое творчество.

Бедирханов С.А. Тема Родины в этнопоэтической рефлексии лезгин 1990-х годов (на примере гражданской лирики С. Керимовой) // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 2. – С. 77–80.

© Бедирханов Сейфеддин Анвер оглы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский научный центр РАН, Махачкала; e-mail: bedirhanov@mail.ru

В 1991 году прекратило свое существование возникшее в результате беспрецедентного исторического эксперимента социалистическое государство. Его развал оказался необратимым и мгновенным. Потеряв системные качества – из-за тотальной деформации самой системы – советский культурный канон стал равнодушным к импульсивным ритмам собственного бытия, вследствие чего утерялся смысл достоверности исторического развертывания его логических принципов.

Хронологические рубежи советского периода замыкают культурный процесс, высвечивающий значимость заданных его началом и концом пограничных состояний творческой мысли. В смысловых пределах этих состояний и осуществлялось развертывание его структурных парадигм, в схватывании которых выстраивалась ценностно-смысловая иерархия культурного универсума, явившегося отражением высшего идеала коммунистической формации. Крушение базовых устоев этой формации и обозначило деформации сущностных характеристик высшего идеала, который освобождается от функции интегратора. В результате смысловые конструкции общественного бытия, ставшие равнодушными к доминантному интеграционному центру, конвертируются в центробежные силы, обеспечившие исторический перелом социокультурного процесса.

Таким образом, напряженность общественного сознания 1990-х годов не была следствием активности сущностных свойств высшего идеала социалистического строя, а была определена все больше усиливающимся давлением не схваченного центральной идеей многообразия жизненных позиций, заданных глубокой трансформацией условий развертывания этнокультурных реалий. Это и определило темп социокультурного ритма, колебания которого были обусловлены степенью интенсивности локализации этнокультурных пространств. В результате была обеспечена действенность процессных функций локальных культурных интеграторов, активность которых и выявила значимость внешних пределов развертывания мыслительных конструкций этнического самосознания.

Деформация метафизической конструкции Советского государства делала существенными пространственные параметры самоидентификации входивших в территорию его суверенного права народов. Устойчивость этих параметров зависела от их содержательной насыщенности, потому репрезентирующие историческое состояние народов сущностно-содержательные характеристики этнокультурных пространств определили ритмические импульсы постсоветской эпохи.

Однако следует отметить, что недей-

раторов, в тотальном равнодушии к которым и происходили ритмические импульсы творческого сознания, не делало неприкасаемым смысловые пределы этнокультурных пространств. Дело в том, что знаковые коды национального самосознания имеют основанием исторический опыт, сущностные параметры которого определяются богатством исторического прошлого народов. Потому развертывание его смысловых конструкций у народов, имеющих собственные цивилизационные коды, было сопряжено с выпаданиями за пределы их этнических пространств, что способствовало обострению межэтнической напряженности. Как отмечает А.С. Ахиезер, «глубокое разнообразие народов, населяющих страну, столь велико, что они находятся фактически в разных цивилизациях. Одни из них в культурном отношении уже перешли границу либеральной суперцивилизации, тогда как другие находятся на дофеодальной стадии. Попытка каждого народа вырваться из тисков унификации, активизировать свои собственные ценности несет в себе опасность конфликтов, связанных с отличиями в ценностях» [1, с. 743]. Конфликтное состояние и удерживало смысл целесообразности усиления ценностно-значимых для этнического бытия смысловых парадигм. Для лезгинского народа такой парадигмой стала тема Родины.

В идеальном содержании понятия Родины схватываются структурные конструкции поэтической культуры, в устойчивости которых идея Родины транслируется в смысловой концепт, удерживающий чувство причастности этно-национального духа к единому центру. Поэтому поэтическое творчество лезгинского народа 1990-х годов представляло символическую проекцию действительности, репрезентирующую его духовное единство. Как следствие, поэтические структуры, содержащие идеальную форму этнокультурной субъективности народа, удерживают активность его жизненных позиций.

В качестве идеи Родина лишена созерцательного значения, потому смысл ее объективности не может быть детерминирован содержанием «вещности». Ее объективность налагает некую сумму позиционных свойств, определяющих субъективные характеристики поэтического Я. По отношению к Родине не действительны мотивации, встраивающие явления духа в содержательную конфигурацию «со стороны». Субъект не может находиться «на расстоянии» от Родины. Его позиционные характеристики включены в понятийное

значение Родины, потому интенциональная деятельность субъекта всецело определяется мотивацией «изнутри».

Тотальный охват идей Родины не столько подавляет, сколько «расщепляет» структуру Я, следствием чего является выстраивание форм референций, представляющих деятельно-активную суть Я в многообразии содержательных вариаций темы Родины.

Родина не есть некий предмет или некая вещь, ее понятийный смысл определяется ценностными установками, заданными историческим состоянием этнокультурного бытия. Ее символический смысл зашифрован кодовыми знаками, обеспечивающими условия развертывания этнокультурных сценарий в том или ином историческом этапе. Как следствие, структуры Я были обусловлены активностью некой свободной энергии, которая в иных условиях должна быть растрчена на создание знака, которое есть «процесс внутреннего развития духа» [4, с. 25].

Наличие «свободной», неотрефлексированной энергии было сопряжено с действительностью деструктивных явлений, обозначивших условия диффузии форм этнопоэтической субъективности. Как следствие, духовная энергия была сведена к исходным, устойчивым началам этнокультурного бытия, наиболее значимым из которых и была Родина.

Следует отметить, что ценностно-смысловое значение образа Родины равнодушно к первичным, чувственно-созерцательным явлениям сознания, потому актуальность ее сущностных характеристик есть результат открытости структур исторической памяти, удерживающей устойчивость ценностного смысла темы Родины. Таким образом, ценностно-мотивационные установки понятия Родины изначально включены в ее основания в качестве синтезирующего ядра, выстраивающего духовные явления этнокультурного бытия в целостные идеальные формы, которые фиксируются устойчивыми, не подверженными темпоральным значениям ментальными структурами сознания. Действенность этих структур и обеспечивает достоверность смысловых парадигм исторической памяти, через которые в социокультурную реальность 1990-х годов просачиваются зашифрованные историческим состоянием этнокультурных стратегий символы, удерживающие смысл идентичности и поэтического духа.

Существенность исторически фиксированных форм идентичности обозначила действительность субъективных характеристик, потребность в присвоении которых мотивировала активность чувственно-

эмоциональных явлений поэтического духа. В этом отношении можно отметить гражданскую поэзию известной лезгинской поэтессы Седагет Керимовой.

В гражданской поэзии поэтессы явления духа выстраиваются в семантические ряды, символическая значимость которых определяется актуальностью чувственно-эмоциональных структур поэтического сознания. Условия выстраивания этих структур в содержательные формы духа были обозначены не только напряженностью социокультурного ритма эпохи, но и бытийными характеристиками его самости.

В мировоззренческих концепциях мужское и женское начала в основном рассматриваются как противоположные, «хотя и взаимосвязанные, онтологические и гносеологические принципы. Маскулинность символизирует духовное, божественное, культурное, рациональное и универсальное, а феминность – природное, телесное, нерациональное и частное» [3, с. 56]. Нерациональное, чувственное начало и обозначило актуальность эмоционально насыщенных духовных интенций, через которые явления внешнего мира транслируются в идеальные конструкции. Устойчивость этих конструкций означала действенность субъективных характеристик, синтезирующее единство которых фиксирует смысл полноты поэтической идентичности. Присвоение этой идентичности выстраивает сознательные явления духа поэтессы в особый порядок, удерживающий достоверность цельности ядра конструкта лирического Я. В этом отношении интересно стихотворение С. Керимовой «Лезги тІварцін экв» («Свет лезгинского имени»).

Ритмическая организация произведения определена динамичностью мыслительных процессов, движение которых обозначено порядком сверху вниз. Основание этого порядка обеспечивается в одиночестве синтезирующей апперцепции (Левинас) Я, тем самым удерживается цельность его содержательного ядра. Однако поскольку сознательные явления, удостоверяющие структуры Я идентичностью, охвачены динамичностью, то сущность Я показывается во множестве вариаций его содержательных форм. Это означает действительность условий «расщепления» концепта Я, духовные явления которого локализуются во внутренне гомогенные содержательные поля, удостоверяющиеся синтетическим значением первичных ассоциаций ядра Я.

Стихотворение состоит из шести строф. Внешние пределы этих строф замыкают бытие духа в различных модулях его явлений.

В первых двух строфах явления духа обозначены тотальностью чувственно-эмоциональных интенций, которые канализируются в грамматически оформленные формы местоимения Я. В грамматических вариантах Я освещается «наименованием» (Э. Кассирер). Грамматические формы задают его «внешние» пределы, в результате происходит «овнешвление» концепта героя (Я для другого). Внутренне мотивированная смысловая полнота концепта Я обеспечивается эмоционально-волевыми установками мыслящего сознания, удостоверяющего его идентичностью. Таким образом, в концепте Я реализуются модификационные схемы, через которые интенции сознания канализируются в содержательные явления духа. Именно в деятельности духа фиксируются условия возможности трансляции общественно значимых (в нашем случае смысл Родины) конструктов в мир знаковых символов.

Содержательные поля последующих строф обозначены потоком сознательных интенций, равнодушных к удерживающим структуры Я в единстве его грамматических вариаций явлениям. Я не обозначено именем, не освещено «наименованием». Его структурные смыслы отпочковываются от ядра. В результате эмоционально насыщенные сознательные интенции встраиваются в произвольные движения явлений духа. Трансляция явлений духа в семантические структуры сопряжена с активностью этих движений, на уровне стечения которых фиксируются пределы, высвечивающие идеальную и строфическую организации деятельности духа. Эти пределы замыкают «пространственные» поля, которые есть демонстрация сущностно-содержательных моментов духа, схваченные, однако, чувственно-эмоциональными структурами мыслящего сознания. Это и объясняет явление исторических форм духовного бытия (исторической памяти, морали) в сферах чувственности. Как следствие, мотив Родины приобретает расширенную, потому внутренне неустойчивую смысловую структуру.

Так, например, в третьей строфе чувственно-эмоциональные силы сознания встроены в единый обозначенный глагольной формой «боязливый» смысловой конструкт, доминантная суть которого удостоверяется и повторением слово «боязливый» в начале каждой стихотворной строки. Активность этого конструкта определена не явлениями действительности, а фактами духовной жизни, не знающей пространственно-временных пределов бытия. Поэтому через конструкт «бояз-

ливый», аккумулирующий эмоционально-волевые силы сознания, явления исторической памяти (небеса, огонь, Алпан¹) включаются в поле зримости: *Кичле гару турфан гьдач, / Кичле цавай харар кьвадач, / Кичле цАю Алпан хадач, / Цавар чиле акАйтАни* [5]. (*Трусливый ветер бури не принесет, / С трусливого неба град не упадет / Из трусливого огня молния не родится, / Хоть и небо столкнется с землей*)².

Аккумуляированная в поле «боязливый» живая энергия заряжает факты исторической памяти, вследствие чего они встраиваются в темпоральные структуры настоящего, которое и несет смысл присутствия бытия в горизонте видимости. В результате из исторически фиксированных форм бытия выпадает момент, удерживающий патриотические чувства в поле заинтересованности поэтического духа. Этот момент обусловлен ценностным значением Родины, грамматически оформленный образ которой выстраивает явления духа в последующей строфе.

К образу Родины прилагается слово сердце. Символическое тождество Родины и сердца приобретают достоверность в тотальном равнодушии к разрывам бытия: *Ватан рикI я, пай жедачир, / Са кьунизни тай жедачир, / Им вуч ван я – гьай жедачир, / Эллериз чав чкАйтАни.* (*Родина как сердце, не разделимое, / Ни с чем не сравнится, / Это что за крик, на который не отозваться / Если и народ наш разделится (от нас отделится)*).

Исторически фиксированные факты этнокультурного бытия образуют содержательное пространство и произведения С. Керимова «Чун лекьер я» («Мы орлы»). Синтезирующим моментом этих явлений становится несущий нагрузку этнонационального духа во всем историческом развитии знак: *Лекь лагьана / Дегь чАвара чаз парада.* (*Орлами назвали / Нас многие в древности*).

Сущностные характеристики знака «нас называли орлами» схватываются эмоционально-волевыми силами духа, ритмическая организация деятельно-активного бытия которого высвечивает предельную напряженность его структурных доминант. В этой напряженности демонтируется символическое содержание знака, вследствие чего он уже не являет историческое прошлое народа в экзистенции его духа, а лишь фиксирует момент, транслирующий факты духовной жизни в нравственное содержание: *Чаз жуванда, чаз чарада. / Чун лекьерив гекьгайд я, / Кичевилер чин тийидай. / Чаз лекьер хьиз килигайд я, / Кьил хураваз фин тийидай. / Чаз кьуншиди лекь лагьана – / Дагьдин синел муг ийидай. / Чаз дустини лекь лагьана – / Цавун юкьвал руг ийидай* [6]. *Нас сравнивали с орлами, / Не знавшими трусости, / На нас смотрели, как на орлов, / Голову никогда не опустивших. / Сосед прозвал нас орлами, / На горе (взорье) гнезда вившими / Друг нас назвал орлами, / В небе пыль поднимавшими.*

Таким образом, исторический перелом 90-х годов XX столетия сыграл роль катализатора, имевшего целью перестраивание ценностных смыслов творческого мировоззрения. «С распадом СССР, развалом социалистического строя вся многонациональная литература страны потеряла питающую ее мощную идеологическую энергетическую» [2, с. 4], – пишет исследователь современной аварской прозы З.З. Гаджиева. Деформация социально-экономической и идеологической модели советского общества поставила творческое сознание входивших в пространство социалистической культуры народов перед необходимостью поиска идеи, в которой оно могло проявить собственную этническую идентичность. Такой идеей для лезгинского народа, проживающего по обе стороны реки Самура, стала судьба Родины.

Список литературы:

- [1] Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
- [2] Гаджиева З.З. Современная аварская проза Приоритеты, тенденции, направления. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра Российской академии наук, 2008. – 308 с.
- [3] Воронина О.А. Опозиция духа и материи: гендерный аспект // Вопросы философии. – 2007, № 2. – С. 56–65.
- [4] Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 271 с.
- [5] Керимова С. Стихи // Самур. Литературно-художественный и общественно-политический журнал (на лезг. яз.). – 2002, № 2–3. – С. 123.
- [6] Керимова С. Стихи. – Интернет ресурс. Режим доступа: http://portal21.ru/news/we_recommend.php?ELEMENT_ID=2074

¹ Алпан – бог огня.

² Здесь и далее подстрочные переводы принадлежат автору.